

А.А.Щелчков

История левых сил: создание компартии Боливии

«Поздний ребенок» коммунистического движения

Среди сложнейших глобальных процессов и явлений XX в. важнейшее место занимает международное коммунистическое движение. Многие региональные и национальные страницы его истории еще не написаны. Становление и развитие Коммунистической партии Боливии (*Partido Comunista de Bolivia, PCB*) остаются неисследованными. Эта партия была создана позднее всех других компартий региона, только в 1950 г., что обусловлено как внутренними, так внешними обстоятельствами. Автор данной статьи впервые в историографии обращается к теме создания и первых десятилетий функционирования *PCB*, опираясь на партийные и архивные документы, а также прессу. В статье проанализированы внутренние и внешние факторы деятельности боливийских коммунистов, причины многочисленных партийных кризисов и расколов. В период всех этих кризисов в *PCB* шла борьба противоборствующих течений, между реформистами и революционерами, представители которых в большей степени опирались на внешние, международные факторы и идеи, чем на внутривнутриполитический опыт и критический анализ национальной действительности. Автор рассмотрит несколько таких кризисов — от борьбы с реформизмом и сталинизмом до раскола *PCB* на просоветскую и прокитайскую партии.

Ключевые слова: коммунизм, Боливия, сталинизм, маоизм, Кубинская революция, Марио Монхе.

DOI: 10.31857/S0044748X0024995-3

Статья поступила в редакцию 01.01.2023.

История компартии Боливии (*Partido Comunista de Bolivia, PCB*) до сих пор не написана. В данной статье мы попытаемся кратко изложить основные этапы становления и деятельности этого важного сектора боливийских левых. Методологической основой работы являются принципы историзма

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (РФ, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32 а; sch2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7780-781X>).

Статья написана при поддержке РНФ, проект № 19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

и научной объективности при критическом подходе к историографии и источникам в сочетании со структуралистским и конструктивистским подходами, что позволяет рассмотреть соотношение ситуационных интересов и общих международных тенденций в истории коммунистического движения.

История *PCB* делится на два неравномерных периода: первой компартии, распушенной Коминтерном в 1930 г., и второй компартии, созданной в 1950 г. Здесь мы ограничимся анализом драматической траектории второй компартии. Следует подчеркнуть, что на эту тему написано небольшое количество работ. История «первой» компартии рассматривалась автором данной статьи в соавторстве с Пабло Стефанони, ей была также посвящена глава в классическом труде боливийского революционера и ученого Гильермо Лоры «История рабочего движения» [1; 2; 3, pp. 1323-1360]. История «второй» компартии представлена лишь публицистическими материалами Хосе Роберто Арсе и Карлоса Сориа Гальварро в партийной прессе (1980 г. в газете *Unidad* и журнале *Marxismo militante*), а также работами Нестора Табоады, являвшегося активным участником событий*.

Данная статья призвана восполнить имеющийся пробел; в тексте представлен анализ первых лет существования *PCB* — от ее основания до середины 1960-х годов. Тогда партия столкнулась с тяжелой ситуацией, связанной с герильей Че Гевары, которая вызвала глубокий внутренний и международный кризис коммунистического движения, затронувший в первую очередь его боливийскую часть, что в свое время станет предметом отдельного исследования.

PCB была основана в 1950 г. молодежной группойлевой революционной партии (*Partido de la izquierda revolucionaria, PIR*), основанной в конце 1930-х годов на руинах первой компартии. *PIR* считала себя марксистской и сталинской организацией, но никогда не была признана ни Коминтерном, ни СССР. В 1945 г. поэт Лусиано Дуран предпринял неудачную попытку воссоздать компартию. В 1947 г. в журнале *Kuntur* образовалась группа молодежи во главе с его редактором Виктором Уго Либера Кортесом и Роберто Альварадо Дасой, целями которой были распространение марксизма и пропаганда достижений СССР. В 1944 г. будущие лидеры коммунистов создали Боливийскую молодежную группу (*Argupación Juvenil Boliviana*). Как писал лидер группы Нестор Табоада Теран, из нее появилась молодежная организация *PIR*, а затем на ее же базе, с теми же лидерами возникла и компартия [4, pp. 648-649]. Это — особый случай своеобразного пути от создания одной молодежной группы к другой, а затем и к образованию партии. После 1946 г. *PIR* была дискредитирована сотрудничеством с олигархическими кругами, что

* Следует также отметить значительный вклад петербургских исследователей Л.С. и В.Л.Хейфецев, опубликовавших обширное интервью с бывшим первым секретарем компартии Марио Монхе Молиной (Jeifets L., Jeifets V. «Discúlpanos, Mario: te hemos engañado», — eran las palabras del Ché. La entrevista con Mario Monje Molina. Pacarina del Sur, año 11, N 42, Enero-Marzo, 2020. Available at: <http://pacari-nadelsur.com/home/figuras-e-ideas/1031-disculpamos...-eran-las-palabras-del-che-la-entrevista-con-mario-monje-molina> (accessed 15.02.2023), а также разработавших тему влияния Кубинской революции на латиноамериканские компартии [5, pp. 2752-2776].

привело к разрыву с ней ее молодежной организации. В 1948 г. Студенты — члены *PIR* создали «Ячейку Ленин», завоевавшую лидирующие позиции в Федерации университетов Ла-Паса.

Молодежной группой *PIR* руководил Серхио Альмарас Пас, в 1946 г. прошедший обучение в партшколе чилийской компартии в Сантьяго. По возвращении на родину он озаботился созданием партийных кадров, выступив с инициативой создания собственной партийной школы молодежи, в которой преобладал критический взгляд на политику *PIR*. Так формировалась молодежная оппозиция центральному руководству. Альмарас опирался на молодых пиристов, будущих выдающихся интеллектуалов, таких, как Нестор Табоада Теран, Рамиро Отеро, Хорхе Овандо Санс и др. Некоторое время они издавали газету *Orientación*, которая, не находясь до определенного времени в оппозиции к руководству *PIR*, превратилась в организационный центр молодежи [6, р. 675]. Овандо Санс, вернувшись из Чили, предложил Альмарасу собрать группу молодых пиристов и создать компартию. Так и произошло. Вскоре Овандо уехал, оставив ответственным за группу Альмараса. В группе началась сопряженная с жесткой критикой дискуссия о *PIR* и ее реформистской политике. В мае 1949 г. группа обратилась к руководству с коллективным письмом, изложив свои претензии. В ответ на него в клубе железнодорожников Ла-Паса была проведена дискуссия между руководством *PIR* и молодежной организацией, закончившаяся бурной сценой со стрельбой; к счастью, обошлось без жертв [7, р. 21]. Рене Савалета Меркадо писал об этом событии так: «Это была трехдневная дискуссия, оказавшая неизгладимое впечатление на ее участников, и в ней был зародыш будущей коммунистической партии Боливии» [6, р. 676]. Именно после описанного выше события молодежь решила покинуть *PIR*.

Поездка большой группы молодых боливийцев (Гладис Гевары, Хорхе Бальона, Виктора Уго Либеры, Хосе Перейры) на II фестиваль молодежи в Будапешт в сентябре 1949 г. ускорила их разрыв с *PIR*, хотя выступление боливийской делегации там было выдержано в духе традиционного пиризма, далекого от установок коммунистического движения: декларация о приверженности антиимпериализму и научному социализму сочеталась с политико-идеологическим плюрализмом [8, л. 165]. Восстание, вспыхнувшее в июле 1946 г. против режима Гуальберто Вильярроэля (1943—1946 гг.), не без оснований обвинявшегося в пронацистской ориентации, было охарактеризовано пиристами как триумфальная антифашистская революция, которая во многом была делом рук *PIR* в союзе с олигархическими партиями [8, л. 170]. Делегация защищала политику своей партии, но при этом заявила о желании присоединиться к международному коммунистическому движению (МКД) [8, л. 164].

Возвращаясь из Будапешта домой через Францию, члены делегации *PIR* встретились с одним из лидеров французской компартии Жаком Дюкло [9, р. 5]. Тогда были установлены контакты с МКД, что подтолкнуло молодежь к решению о создании компартии. 17 января 1950 г. эта группа представила свой отчет о поездке в Европу на собрании молодежной организации *PIR*. Это же собрание объявило об образовании *PCB*. Сначала первым секретарем был избран Хорхе Овандо, затем это место занял Серхио Альмарас. В политическую комиссию вместе с ними был избран поэт В.У.Либеры — самый старший из товарищей — ему было 40 лет. Уже

8 апреля 1950 г. *PCB* была запрещена властями после драки и перестрелки с шефом полиции — членом *PIR*. После рабочего восстания в Вилья-Виктория в Ла-Пасе, в котором коммунисты приняли активное участие, было арестовано все руководство компартии во главе с Альмарасом. Их отправили в политическую тюрьму на остров Коати на Титикаке. Несмотря на репрессии, с 29 декабря 1950 г. партия стала издавать газету *Unidad*, тираж которой к апрелю 1953 г. достиг 3000 экземпляров.

В тот момент *PCB* фактически полностью состояла из молодежи. Ей симпатизировали многие в *PIR*, тогда не решавшиеся покинуть партию. Для многих боливийских левых *PIR* и, главное, ее лидер Хосе Антонио Арсе были носителями революционной честности и самоотверженности. Именно Арсе был признанным боливийским марксистом, много сделавшим для распространения последнего в стране. Кроме того, ни *PIR*, ни Арсе лично никогда не грешили антисоветизмом, более того — провозглашали себя последователями «дела Ленина-Сталина». Все это удержало многих в партии, которую они надеялись реформировать, а создание *PCB* представлялось спонтанной акцией молодежи с неясной перспективой. С другой стороны, с 1948 по 1951 г. Арсе находился в Европе, а когда вернулся в Боливию, *PCB* уже существовала. Он сам никогда не допускал критических высказываний в адрес молодой партии, и более того, после 1951 г. отошел от политики [10, р. 159]. Коммунисты же никогда не отрекались от его наследия как главного и выдающегося пропагандиста марксизма в Боливии.

Молодая партия провозгласила своей целью создание Фронта национального освобождения во имя объединения всех классов и политических сил народа в антиимпериалистической борьбе и за построение «народной демократии» в Боливии. Партия заявила о своей вере в СССР и в «непоколебимую силу марксизма-ленинизма-сталинизма» [11, р. 3]. Все это соответствовало принципам и программам МКД. *PCB* быстро удалось установить контакты с Москвой, которая восприняла создание новой партии благоприятно и как нечто ожидаемое.

В 1951 г. в Боливии прошли президентские выборы, на которых победил кандидат национал-реформистской партии Националистическое революционное движение (*Movimiento Nacionalista Revolucionario, MNR*) Виктор Пас Эстенсоро*. Перед молодой компартией встал вопрос о выработке позиции на этих выборах. Над бывшими пиристами довлело их участие в свержении Вильярроэля и *MNR* в 1946 г. Теперь эти действия переоценивались, так как большинство рабочего класса, студенчества, в целом народных масс шли за антиимпериалистическими и антиолигархическими лозунгами *MNR*. Лидер *PCB* Альмарас немало сделал для изменения позиций коммунистов в отношении «революционного национализма». Надо помнить, что в целом в МКД «революционный национализм», главным представителем которого на континенте был аргентинский перонизм, чаще всего характеризовался как производная от фашизма, а после 1946 г. *MNR*

* Чтобы не допустить *MNR* к власти, президент Мамерто Урриолагоития (1949—1951 гг.) совершил самосвержение, вручив власть военной хунте и открыв путь к Национальной революции, свершившийся в апреле 1952 г. [12, с. 468].

нашла убежище и поддержку именно в перонистской Аргентине. На боливийских коммунистов в их отношении к *MNR* тогда большое влияние оказывала позиция аргентинской компартии (*Partido Comunista de Argentina, PCA*), считавшей перонизм и подобные ему движения формой фашизма. Тем не менее Альмарас имел определенные убеждения и был мало подвержен давлению авторитета самой старой и влиятельной компартии континента.

В партии существовало намерение выступить со своей собственной формулой, выдвинув профсоюзного лидера и члена *MNR* Хуана Лечина, а вице-президентом — коммуниста и синдикалиста Франсиско Бруна. Не факт, что Лечин бы на это согласился. Однако было решено, чтобы *PCB* поддержала официального кандидата *MNR* В.Паса Эстенсоро (1952—1956, 1960—1964, 1985—1989 гг.), хотя в выборах участвовала их «материнская» *PIR*, выдвинувшая Х.А.Арсе, которого коммунисты никогда не критиковали, признавая его личные качества и вклад в марксистское просвещение в Боливии. Это был непростой выбор для компартии, и его автором был Альмарас [13, p. 17].

Победившая в 1952 г. Национальная революция стала вызовом для молодой партии в определении ее роли и места в преобразованиях и в руководстве массовым движением. Во время революционного подъема *PCB* сделала выбор в пользу критической поддержки блока политических сил, пришедшего к власти в ходе революции, то есть *MNR* и поддерживающих ее синдикалистов, объединенных в Боливийском рабочем центре (*Central Obrera Boliviana, COB*), созданном в ходе революции. С началом спада революционного процесса и поворотом *MNR* вправо политика *PCB* по поддержке правящей партии вызвала жесткую внутрипартийную критику. Само объединение было еще идейно и организационно слабым. В первые годы партией, помимо Серхио Альмараса, руководил Рикардо Бонель, который некоторое время работал в посольстве США, что стало причиной подозрений и выдвинутых против него обвинений в предательстве*. Большое влияние на руководство *PCB* оказывал перуанец Хорхе дель Прадо — будущий лидер коммунистов Перу, который после поражения восстания в Арекипе в 1950 г. иммигрировал в Боливию.

После Национальной революции в *PIR* начался распад. Это была партия традиционно враждебная *MNR*, но реформы и преобразования, начатые после победы, вполне соответствовали программе *PIR*, которая утратила всякую инициативу и не находила своего места в революционном процессе. В июле 1952 г. ее V съезд принял решение о самороспуске партии, но часть пировцев, так называемая сталинская группа во главе с Альфредо Арратиа, не подчинилась. В эту группу входили такие будущие видные коммунисты, как Абелардо Вильяльпандо, Фелипе Иньигес, Альфредо Арратиа, Роберто Альварадо Даса и Рене Мельгар**. Они создали еще одну компартию, вошедшую в историю как *PCB-2*, которая недолго просущество-

* Этот факт спровоцировал поток бесчисленных обвинений со стороны *PIR* вплоть до того, что *CPB* была создана американским посольством, чтобы вызвать раскол и ослабить левых в Боливии.

** Близким этой группе был видный интеллектуал, социолог, популяризатор марксизма Артуро Уркиди, который не стал вступать в новую партию, но поддерживал ее.

вовала параллельно с *PCB* [14, р. 3]. Члены обеих партий были товарищами по членству в *PIR*, поддерживали дружеские отношения. Обе группы вступили в переговоры об объединении, которое состоялось в конце 1952 г. на базе *PCB*. Новая группа кооптировала А.Арратию в ЦК единой партии. Это слияние усилило партию, в ее рядах появилось значительная прослойка видных интеллектуалов, благодаря чему боливийские коммунисты стали пользоваться большим уважением среди левых.

В 1953 г. наступил так называемый аграрный этап революции: крестьянские восстания и передел земли происходили по всей стране. Все политические силы работали над выработкой предложений по решению важнейших для Боливии аграрного и индейского вопросов. В феврале 1953 г. состоялась IV Конференция компартии, на которой была принята резолюция об аграрной реформе. *PCB* подготовила свои предложения. Левые силы вели широкую дискуссию в рамках *COB*. Накануне намеченного обсуждения различных проектов реформы, в июне 1953 г., коммунисты провели свою V Общенациональную конференцию, на которой были утверждены «аграрные тезисы». Это был дебют *PCB* на национальном уровне. Партия выступила против «демократического» проекта правительственной комиссии, куда входили их бывшие товарищи по *PIR*, одновременно отвергнув как «левацкий» и проект национализации земли, предложенный троцкистской Революционной рабочей партией (*Partido Obrero Revolucionario, POR*), ссылавшейся на опыт большевиков и ленинский декрет о земле 1917 г. Проект *PCB* был вдохновлен аграрной реформой в Китае, в котором, по мнению лидера компартии Альмараса, как и в Боливии, свершилась национальная революция [15, pp. 138-139].

В политике компартии преобладали политика союзов, идея объединения рабочего класса, крестьянства, мелкой и средней буржуазии в рамках антиимпериалистического и антиолигархического фронта в антиимпериалистической и антифеодальной революции, что соответствовало коминтерновской ортодоксии и текущим установкам МКД. В рамках этой линии оправдывалась политика поддержки *MNR*, а точнее ее левого крыла, в предпринимаемых революционных актах: национализации олова и введении рабочего контроля на национализированных предприятиях, ликвидации старой армии, проведении аграрной реформы и введении всеобщего избирательного права. С.Альмарас был главным проводником этой политики, суть которой заключалась в поддержке «национальных» сил, левых националистов при упоре на антиимпериализм и антиолигархическую борьбу, которую он считал более адекватной уровню развития страны и ее задачам. Позднее Альмарас так сформулировал сложный политический выбор в ходе революции: «Боливийский опыт поставил нас перед сложным и спорным вопросом о современной революции. Боливийцы сделали свой выбор, и их инструментом стала партия *MNR*. Заявления, что нужно было свершить другой тип революции, смешны, история — не витрина магазина. Революция была такой и никакой иной, не предлагала никакого выбора. Традиционные левые, столкнувшись с событиями, оказались неспособными преодолеть свою ограниченность, и, отвергнув уникальную возможность, которую им даровала история, чтобы перестать стоять в стороне от нее, они потеряли и направление своего пути» [4, р. 455].

Несмотря на очевидный поворот вправо партии *MNR*, Альмарас, хотя и критически относился к этому, по-прежнему считал эту партию и ее политику адекватной боливийской реальности. Альмарас был интеллектуалом-националистом, карьера которого началась в марксистской партии — в *PIR*, а принципиальные левые убеждения привели его к лидерству в молодой компартии, в то время как наибольшие симпатии вызывали левые в *MNR*. Альмарас был левым интеллектуалом антиимпериалистического толка. Эта тенденция ярко проявилась в его блестящих публицистических трудах 1960-х годов, где мы не найдем ни следа марксистских убеждений. По свидетельству его друга Андреса Солиса Рады, Альмараса упрекали в том, что он много читает Альбера Камю и мало учебник марксизма Федора Васильевича Константинова [13, р. 32]. Он не интересовался доктринальными вопросами, а его практические решения противоречили установкам МКД и настроениям в партии, где после объединения с *PCB-2* стали преобладать ортодоксальные марксисты-интеллектуалы, критически оценивавшие деятельность Альмараса.

В июле 1954 г. в Кочабамбе состоялась «историческая» VI Конференция партии, которая утвердила стратегию Национального демократического фронта — объединения с антиправительственными левыми партиями и профсоюзами во главе с коммунистами для решения задач по углублению завоеваний Национальной революции и противодействию «продажной» политике *MNR* [16, д. 2, л. 71]. Предыдущая линия критической поддержки *MNR* была осуждена как ревизионистская и ликвидаторская [17, р. 4]. Однако оргвыводов сделано не было, авторитет Альмараса был еще очень высок. На этой конференции появилась новая яркая фигура в партии — Марио Монхе, выступавший за усиление работы *PCB* в рабочем движении [18, р. 123]. Он сформировал вокруг себя «революционную» группу, критиковавшую инертность работы партии в профсоюзах, преобладание интеллигенции, все еще некоторую замкнутость и отсутствие тесного взаимодействия с МКД и прежде всего с коммунистами соседних стран.

Взгляды Альмараса все более вступали в конфликт с доктриной МКД. Решения VI Конференции о переходе в оппозицию к *MNR* отчасти его удовлетворяли, но он не считал дело Национальной революции проигранным. Альмарас критиковал ее лидеров не за то, что те отказывались от перехода к социализму, а за то, что не выполняли свою собственную программу революционного национализма [13, р. 18]. И неважно, что Пас Эстенсоро называл себя марксистом, заявлявшим о невозможности построения социализма для Боливии середины XX в., для Альмараса большее значение имела текущая политика *MNR*, в которой стали преобладать проимпериалистические и контрреволюционные черты. Но и компартия не представляла собой инструмент, с помощью которого можно было бы вернуться на путь, открытый Национальной революцией. К тому же Альмарас считал всех левых, в первую очередь компартию и троцкистов, группами, оторванными от жизни, замкнутыми на своей доктрине, не способными серьезно проанализировать национальную реальность. Альмарас также полагал, что все левые недооценивают роль средних слоев. Сам же он был защитником интересов этих слоев, представителем левой интеллигенции и считал ее важным отрядом революции [19, pp. 553-553].

К 1958 г. соотношение сил в партии изменилось: Р.Бонель и Х. дель Прадо вызывали большое недовольство своими бесконечными интригами. Дель Прадо выступил с разоблачениями Бонеля, в итоге оба были вынуждены покинуть партию. На их совести — чистки партии от «интеллигентов», в частности, из *PCB* были исключены такие видные деятели, как социолог Хуан Альбаррасин Мильян. Бонель и дель Прадо активно использовали крайне бюрократические практики, в *PCB* царили тотальные недоверие и контроль за ее членами. Как писал Н.Табоада, «это была самая черная полоса в истории партии, время саморазрушения» [4, р. 656]. С уходом Бонеля и дель Прадо начался период оживления деятельности партии. Однако в процессе этого «очищения» ушел Альмарас. Часто его биографы указывают, что после посещения СССР в 1956 г. он просто разочаровался в идеях коммунизма и в партийном строительстве. Однако подтверждения этому нет. А вот Табоада утверждает, что Альмарас тяжело переживал уход из созданной им партии [4, р. 657]. С другой стороны, последующая деятельность политика свидетельствовала о неизбежности такого разрыва. Надо сказать, что Альмарас, будучи плодовитым публицистом, никогда ничего не писал о компартии, не было ни слова критики ни в адрес *PCB*, ни Советского Союза. После ухода Альмараса руководство в *PCB* переходит к молодому учителю Марио Монхе, который будет возглавлять эту политическую организацию в течение самых драматических лет ее истории.

1958 год был сложным для *PCB*: необходимо было определиться с участием в выборах. *MNR* выдвигала на пост президента Эрнана Силеса Суасо (1952, 1956—1960 и 1982—1985 гг.) и Ньюфло Чавеса Ортиса — на должность вице-президента. Второй представлял в правящей партии левое крыло. Выборы проходили в противостоянии с радикально-правой Боливийской социалистической фалангой (*Falange Socialista Boliviana, FSB*). Это были первые выборы после введения всеобщего избирательного права. Компартия приняла решение идти на выборы самостоятельно, выдвинув в качестве кандидата Филипе Иньигеса — профессора (затем ректора) Университета Оруро. Это был сильный политик, олицетворявший собой тесный союз марксистской интеллигенции и рабочего класса. Учитывая доминирование *MNR* в боливийской политике и поляризацию сил между ней и *FSB*, результаты коммунистов были вполне удовлетворительны. Хотя партия набрала лишь 12 273 голоса из 1 109 047, она заняла почетное третье место после *MNR* и *FSB* [12, с.506]. Это был неплохой результат для столь молодой политической организации.

По данным, представленным на заседании коммунистических партий Латинской Америки, состоявшемся в 1957 г., *PCB* насчитывала 2,5 тыс. членов, что было на тысячу меньше, чем в 1956 [16, д. 2, л. 141]. Это был момент глубокого внутреннего кризиса, который предстояло преодолеть новому руководству. И путь, по которому оно пошло, был путем расширения контактов и вовлечения партии в МКД. Монхе открыл для себя эту возможность во время поездки в качестве гостя на съезд КПСС, где встретился с Викторией Кодовильей, который подсказал ему, как вести себя в коридорах и кабинетах ЦК КПСС, чтобы получить политическую и материальную помощь*. Надо признать, что урок

* Личная беседа автора с Марио Монхе в Москве, 30 октября 2013 г.

Монхе усвоил блестяще. И это помогло ему справиться непростыми ситуациями и внутривнутрипартийными кризисами.

Новым рубежом в деятельности *PCB*, как и других компартий континента, стала Кубинская революция, разрушившая многие догмы и постулаты МКД. Столкнувшись с новыми вызовами, *PCB* подтвердила свою приверженность программе «антиимпериалистической революции национального освобождения» и тактике создания межпартийного фронта, вытекающей из тезисов Коминтерна о Народном фронте. При этом, заявляя о своей лояльности МКД во главе с КПСС, боливийская компартия поддерживала тесные связи с кубинским руководством, направляя своих членов на остров на курсы военной и политической подготовки (даже сам Монхе проходил их в 1966 г.). Поэтому неудивительно, что большинство боливийцев из отряда Че Гевары в его последнем походе были членами *PCB*.

В апреле 1964 г. прошел II съезд партии, а в мае 1965 состоялась VII конференция. Большую часть своих речей Монхе посвятил восхвалению Кубинской революции. Он подчеркивал, что революция в Боливии приближается, не уточнив, каким путем она произойдет. В 1965 г. Монхе говорил: «Латинская Америка — это извергающийся вулкан, революционный подъем сотрясает континент. Куба, демонстрируя зрелость революционных условий, неудержимо движется к социализму. Триумф Кубинской революции, ознаменовав начало этапа подъема континентального революционного процесса, освещает наш путь. Революция ознаменовала собой глубокие изменения в перспективах континентального революционного процесса. Сейчас невозможно предсказать, где в следующий раз проявится слабое звено в цепи капитализма, это может быть как Боливия, как и любая другая страна» [20, pp. 13-14]. Такая речь порадовала кубинцев, и в то же время она не означала разрыва с советским политическим дискурсом. Монхе, казалось, был прокубинским коммунистом, но при этом своей деятельностью заявлял и доказывал лояльность КПСС. В результате в документах партии, принятых на съезде, подчеркивалась солидарность с Кубинской революцией, но подтверждались и старые тезисы, содержавшие общую формулу МКД для Латинской Америки о борьбе за создание народного правительства с программой буржуазно-демократических и антиимпериалистических преобразований с перспективой движения к социализму [17, p. 4].

Боливийские коммунисты, отправленные партией на обучение на Кубу, в большей степени подчинялись указаниям кубинцев, чем собственной партии. А те настаивали на создании сети фокистских, партизанских и повстанческих организаций, которые сформировали бы боливийскую часть континентального движения, Армию национального освобождения (*Ejército de la Liberación Nacional, ELN*). Эти боливийские коммунисты сформировали на Кубе ядро боливийской *ELN* и вскоре стали базой герильи Че Гевары. В 1963 г. *PCB* с подачи кубинцев участвовала в попытке перуанской *ELN*, возглавляемой Эктором Бехаром, создать партизанский очаг в Перу. Тогда Монхе договорился с кубинцами о помощи перуанской группе с транзитом в Перу через боливийскую территорию [21, p. 63]. Эта помощь, вероятно, привела к полному провалу операции. Информация дошла до перуанской компартии, которая в свою очередь посчитала вредным

этот партизанский план, и когда группа прибыла на границу, перуанские военные уже ждали ее [22, с. 231]. Сам Монхе объяснял Бехару, что в *PCB* были люди, принадлежавшие к антикубинской фракции, выступавшие против помощи в этой операции, так как не принимали фокистскую модель партизанской войны, и вот они-то и сообщили об этом аргентинским коммунистам, возглавлявшим «антикубинский блок партий», которые, в свою очередь, передали информацию чилийцам, а те немедленно — со всеми подробностями — Москве и перуанским товарищам, которые тогда были на нелегальном положении. Дальше остается только предполагать, каким образом новости дошли до перуанских властей — слишком многие уже знали все подробности этой «тайной» операции [21, р. 64].

Куба была серьезной проблемой во внутренней жизни *PCB*. В 1963 г. Монхе в разговоре с чехословацким послом в Боливии (тогда это была единственная страна советского блока, имевшая представительство в стране), объясняя, почему он решил не поддерживать забастовку шахтеров, за что его жестко критиковало прокитайское крыло в партии, признался, что он «о каждом своем шаге советуется с кубинцами» [16, д. 600, л. 9]. В те годы кубинцы считали Монхе и *PCB* своим верным союзником и единомышленником в том, что касается стратегии и тактики континентальной революции. *PCB* тогда выделялась среди других компартий в регионе многосторонней лояльностью — и Кубе, и Москве, и даже Пекину. Единственным поводом для недовольства боливийских коммунистов была поддержка Гаваной группы *Espartaco*, которую компартия неизменно считала антикоммунистической. «Спартакосцы» учились на Кубе, проходили политические курсы. Один из их лидеров Амадо Канелас был корреспондентом *Prensa Latina* в Ла-Пасе. В 1965 г. *PCB* настояла, чтобы кубинцы порвали с Канеласом, что и было сделано — в те годы кубинцы очень внимательно реагировали на просьбы *PCB*. Дружеские отношения *PCB* с Кубой, в свою очередь, способствовали тому, что в 1964 г. значительная часть спартакосцев присоединилась к *PCB*, хотя они критиковали ее руководство и особенно Монхе за его стремление заниматься международными делами в ущерб внутренним национальным проблемам [16, д. 692, л. 143].

После Кубинской революции в *PCB* возникло два политических течения, приверженцы которых не совпадали в оценке кубинского опыта. Разногласия касались тезиса о преимуществах партизанской войны в условиях Латинской Америки, а также вопроса о революционном насилии в русле обсуждения принципов, одобренных на международных совещаниях коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 гг. и отстаиваемых другими латиноамериканскими коммунистическими партиями во главе с аргентинской. Компартии континента не исключали революционного насилия, но подчеркивали приверженность мирному пути, долгой и упорной подготовке масс к революции; речь шла о том, что необходимо дожидаться созревания революционной ситуации. А прокубинские силы говорили об имманентной революционной ситуации на континенте. Эта же проблематика стала причиной самого большого раскола в коммунистическом движении во второй половине XX в., связанного с китайско-советскими отношениями, с неприятием тезиса о мирном сосуществовании, продвигаемого

КПСС с конца 1950-х годов, и критики «культа личности Сталина» в СССР после XX съезда КПСС.

Это было время не только кубинской проблемы, но и китайской, что гораздо больше заботило советских товарищей на Старой площади в Москве. Двойная позиция Монхе по отношению к Кубе и «старым» просоветским партиям континента, пользовавшимся доверием обеих сторон, была причиной того, что ему поручались многие деликатные миссии. Москва обратилась к Монхе, когда он находился на Кубе в 1964 г., чтобы он выступил с инициативой созыва встречи латиноамериканских коммунистических партий для обсуждения проблем советско-китайского партийного конфликта. Однако Монхе не захотел стать прямым посланником Москвы, учитывая сложную ситуацию, создавшуюся внутри собственной партии, где была сильная прокитайской фракция. Он предложил Москве организовать дело так, чтобы инициатива этого совещания исходила от кубинцев, что и было осуществлено [16, д. 600, л. 190].

Между тем советско-китайский конфликт тяжело отразился на *PCB*. На II съезде партии в апреле 1964 г. царила атмосфера неизбежного и скорого раскола с прокитайской группировкой. Монхе, умело маневрируя между фракциями, добился одобрения промосковских резолюций, но в компромиссных и допускающих двусмысленное толкование формулировках, при этом организовав избрание лидеров прокитайской фракции в партийное руководство. Таким образом удалось сохранить единство компартии, что, однако, стало лишь временным решением проблемы.

Влияние китайской революции в Боливии проявлялось с момента основания КНР в 1949 г. в основном через пропаганду, осуществлявшуюся теми же коммунистами. Китайской революции симпатизировало левое крыло *MNR*, видевшее много общего между боливийской и китайской национальными революциями; подчеркивались схожие задачи модернизации отсталой и зависимой страны на основе антиимпериалистической борьбы [23, р. 9]. Маоизм же как совокупность идей был осознан и изучен гораздо позже. Китайский опыт был близок не только левым из правящей партии *MNR*, но и прокубинским группам, например, уже упомянутой *Espartaco* [24, с.10].

Внутри компартии существовала сталинистская фракция, отвергавшая советские тезисы о мирном сосуществовании и мирном пути к социализму, предложенные МКД после XX съезда КПСС. Эта левая фракция группировалась вокруг «сталинской» ячейки Ла-Паса, которая впоследствии послужила основой для прокитайской фракции. В группу вошли такие интеллектуалы, как публицист Хорхе Эчасу, а также наследники «сталинизма» времен *PIR*, в частности Альфредо Арратиа. Одним из знаменосцев прокитайского течения в партии был лидер молодежной организации Оскар Самора, который в 1960-е годы находился в Праге, представляя Боливию в Международном союзе студентов. В 1964 г. Самора вернулся в страну по приказу ЦК после скандалов, которые тот устраивал, демонстрируя свою прокитайскую позицию [16, д. 600, л. 49]. Боливийские коммунисты обвинили его в получении денег от китайского посольства в Праге [25].

Внутри прокитайской группы *PCB* были умеренные, которые не хотели порывать ни с партийным руководством, ни с Москвой, в частности, историк и публицист Рауль Руис Гонсалес, которого сначала считали лидером

группы и претендентом на пост первого секретаря компартии, если на съезде прокитайская фракция получила бы большинство. После съезда, даже не порвав с партией, прокитайская фракция стала проводить собственную линию, отличную от позиции *PCB*, заключив союз слевой революционной националистической партией (*Partido Revolucionario de la Izquierda Nacionalista, PRIN*) Хуана Лечина, которая будет верным союзником маоистов долгие годы [16, д. 600, л. 10]. Несмотря на хрупкое единство, достигнутое на II съезде, разрыв произошел на следующий год (1965), когда прокитайская фракция *PCB* в соответствии с новой политикой, провозглашенной Пекином, по переходу от фракций к созданию отдельных маоистских партий, провела собственный съезд в горнодобывающем комплексе *Catavi—Siglo XX*. Была создана Коммунистическая партия Боливии (марксистско-ленинская) (*Partido Comunista de Bolivia (marxista-leninista), PCB (ML)*). Новую партию возглавил авторитетный и популярный лидер профсоюза горняков Федерико Эскобар, который в 1960 г. побывал на Кубе и в Китае, где поддерживали его идею о необходимости революционного насилия и о вредности курса на мирный путь революции, в чем обвиняли просоветские компартии региона [23, р. 10]. После смерти Ф.Эскобара в 1966 г.* руководство *PCB (ML)* перешло к Оскару Саморе. Как утверждали в новой партии, на момент разрыва большинство членов компартии пошло за прокитайской фракцией. Точных данных об этом нет. Оценки таковы, что партия раскололась практически на две одинаковые части. Любопытно, что в группе боливийских студентов-коммунистов в Москве большинство поддерживало прокитайскую линию [16, д. 690, л. 18]. *PCB (ML)* поддерживала кубинскую линию в революционном движении континента, что привлекало к ней тех, кто был далек от доктринальных дискуссий КПСС и китайской компартии.

Позиция руководства *PCB* до определенного момента была очень умелой и гибкой, что позволяло долгое время избегать раскола. Кодовилья назвал позицию Монхе примирительной и нерешительной по отношению к прокитайской группе [16, д. 598, л. 74]. Монхе оправдывался, утверждая, что окончательный раскол компартии произошел, когда он в 1964 г. был арестован и не смог лично предотвратить его. Монхе вспоминал, что представители аргентинской и чилийской компартий на II съезде *PCB* Викторио Кодовилья и Володя Тейтельбойм считали, что он примиренчески относится к прокитайским товарищам, и организовали интригу, чтобы сменить его на посту первого секретаря, делая ставку на Хорхе Колле Коуэто и обвинив Монхе в попытке создать менее классовую политическую организацию, терпимо относящуюся к идейным и политическим уклонам. Тогда интрига не сработала из-за позиции прокитайской фракции, предпочитавшей в тот момент сохранить единство и проголосовавшей за старое руководство.

Согласно официальной версии причиной раскола *PCB* была ситуация, сложившаяся внутри партии, восходящая к истории слияния *PCB-1* и

* Эскобар умер в больнице от инъекции анестезии. Кто это сделал — неизвестно. Но, согласно маоистской легенде, он был убит врачами промосковской компартии. Эта версия ничем не подтверждается [26, р. 267].

PCB-2 в 1952 г.: *PCB-2* унаследовала мелкобуржуазные уклоны, социал-демократические пережитки *PIR*, которые объединились с анархо-синдикализмом в лице Ф.Эскобара, а проникновение маоизма незначительно повлияло на разделение партии [17, р. 4]. Эта интерпретация была неубедительной, поскольку для прокитайского течения было характерно сочетание сталинизма с революционным радикализмом, ориентированным на Кубинскую революцию. Как в промосковской, так и в прокитайской компартиях сталинизм был общим убеждением, но в *PCB (ML)* он был открытым, что и привлекло в ее ряды самых твердых сталинистов, таких как Альфредо Арратиа, который действительно пришел в партию во главе *PCB-2* в 1952 г.

Кубинцы, поддерживавшие и подстрекавшие прокитайскую фракцию в *PCB*, разорвали с ней отношения после образования отдельной партии. Представители *PCB (ML)* в составе Левого фронта, объединения партий, созданного Х.Лечином, были приглашены на конференцию Триконтинентали в 1966 г. в Гаване. Монхе перед прибытием этой делегации в Гавану развернул целую кампанию: опираясь на советское посольство, он оказывал давление на кубинских организаторов, чтобы те не допустили присутствия боливийских маоистов на конференции [16, д. 765, лл. 27-28]. И многого добился. Делегацию остановили в аэропорту в Мексике, так как у них не было кубинских виз. Добраться до Гаваны им помог чилийский социалист Сальвадор Альенде. Кубинцы не позволили представителям *PCB (ML)* принять участие в обсуждениях, и делегация покинула Кубу [27, р. 76]. После этого инцидента отношения *PCB (ML)* с Кубой были прекращены.

Все эти события, отражавшие раскол и взаимную нетерпимость внутри *PCB*, ослабляли боливийских левых как раз в преддверии таких драматических событий, как партизанская эпопея Эрнесто Че Гевары. Однако эта большая история выходит за рамки данной работы.

Коммунистическое движение является важной составляющей истории боливийской национальной жизни второй половины XX в., у него были и героические, и драматические периоды. Построение коммунистами гегемонии в терминах Бурдье имело свои успехи и ограничения, присущие их собственной идеологии и их *modus operandi* — смеси сталинизма и политической гибкости. Боливийские коммунистические лидеры не стали революционерами в строгом смысле этого слова и повторили судьбу многих своих единомышленников в других странах. Ожидая революционной ситуации, они не готовились к революции. К ним применимы слова немецкого философа Вальтера Беньямина: «Как только бесклассовое общество было определено как бесконечное задание, пустое и гомогенное время тут же превратилось, так сказать, в приемную, где более или менее спокойно можно было ожидать революционной ситуации» [28, с. 223]. В результате революция, которую ждали боливийские коммунисты, так и не произошла. Была ли в этом только их вина? Вряд ли. Коммунисты оказались заложниками своей веры в Советский Союз, в мудрость «партии Ленина» и не смогли предложить стране и народным массам реальной альтернативы, основанной на серьезном анализе национальной действительности. Именно

поэтому история *PCB* представляет собой бесконечную полосу внутренней борьбы, отступлений и пассивного ожидания. Знание этой истории необходимо не только для понимания событий, происходивших в Боливии в XX в., но и для более глубокого осмысления всемирных процессов, важной составляющей которых были левые движения. А в рамках этих процессов коммунисты играли важную роль.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano (1923-1933). La Paz, Los Amigos del Libro, 1970, 424 p.
2. Historia de izquierdas bolivianas. Archivos y documentos (1920-1940). Andrey Schelchkov and Pablo Stefanoni (coords.). La Paz, CIS, 2016, 390 p.
3. Schelchkov A., Stefanoni P. Los comunistas bolivianos y la Komintern: una historia de des encuentros. *Historia mexicana*. México, vol. LXXII, N 3, 2023, pp. 1323-1360.
4. Taboada N. Mis recuerdos de Sergio Almaraz. *Almaraz Paz S. Obra completa*. La Paz, Plural, 2009, 792 p.
5. Jeifets V., Jeifets L. Moscow, Beijing or Havana? The Conflicts Within the Latin American Left around the insurreccional struggle. *Izquierdas*. Santiago, 2020, N 49, pp.2752-2776.
6. Zavaleta Mercado R. recordación y apología de Sergio Almaraz. *Almaraz Paz S. Obra completa*. La Paz, Plural, 2009, 792 p.
7. Taboada Terán N. Un testimonio sobre los primeros pasos del PCB. *Unidad*. La Paz, N500, enero de 1980.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-3, оп. 1, д. 9. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fond M-3, inv. 1, fold. 9 (In Russ.).
9. Los fundadores del partido. *Unidad*, La Paz, N 500, enero de 1980.
10. Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano (1933-1952). La Paz, Los Amigos del Libro, 1980, 703 p.
11. Orientar y fortalecer las luchas populares. *Unidad*. La Paz, N 1, 29 de diciembre, 1950.
12. История Боливии с древнейших времен до начала XXI века. М., Наука, 2015, 699 с. [Istoria Bolivi s drevneishikh vremen do nachala XXI veka. [History of Bolivia from ancient times to the beginning of the XXI century]. Moscow, Nauka, 2015, 699 p. (In Russ.).
13. Soliz Rada A. Prólogo. Almaraz en la construcción del Estado Nacional // Almaraz Paz S. Obra completa. La Paz: Plural, 2009.
14. Arze J.R. El desarrollo del marxismo en Bolivia. *Unidad*. La Paz, N 500, enero de 1980.
15. Canelas A. Mitos y realidad de la reforma agraria en Bolivia. La Paz, Los amigos del libro, 1966.
16. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5, оп. 50. [Russian State Archive of Contemporary History, Fond 5, inv. 50] (In Russ.).
17. Soria Galvarro C. Una mirada a la historia del partido. *Unidad*. La Paz, N 500, enero de 1980.
18. Alvarado J.A. Mario Monje Molina. *Marxismo militante*. N 63, 2020.
19. Almaraz Paz S. Obra completa. La Paz, Plural, 2009, 792 p.
20. El Che en Bolivia. Documentos y Testimonios. Carlos Soria Galvarro, recopilación, notas etc., t. 4. La Paz, La Razón, 2005, 223 p.
21. Entrevista Héctor Béjar. *Lucha armada en la Argentina*, N 9, 2007.
22. Сапата А. Марксизм в Перу, 1930-1992. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., № 26, 2020, сс. 218-248. [Zapata A. Marksizm v Peru, 1930-1992 [Marxism in Peru, 1930-1992]. *Latinoamerikanskiy historicheskii almanakh*, Moscow, N 26, 2020, pp. 218-248.
23. Rothwell M. Influencia de la Revolución China en América Latina: México, Perú y Bolivia. *Fuentes del Congreso*, Bolivia, vol. 4, N 9.

24. Интервью с Пабло Санчесом Рамосом. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., № 30, 2021, сс.7-21. [Interview with Pablo Sanchez Ramos]. *Latinoamerikanskiy historicheskiy almanakh*. Moscow, N 30, 2021, pp. 7-21 (In Russ.).
25. Jeifets L., Jeifets V. «Discúpanos, Mario: te hemos engañado», – eran las palabras del Ché. La entrevista con Mario Monje Molina. *Pacarina del Sur*, año 11, N42, Enero-Marzo, 2020. Available at: <http://pacarinadelsur.com/home/figuras-e-ideas/1031-disculpanos...-eran-las-palabras-del-che-la-entrevista-con-mario-monje-molina> (accessed 15.02.2023).
26. Cajías L. Juan Lechín. Historia de una leyenda. La Paz, Los amigos del libro, 1994, 490 p.
27. Brega J. ¿Ha muerto el comunismo? El maoísmo en la Argentina. *Conversaciones con Otto Vargas*. Buenos Aires: ed. Agora, 1990, 317 p.
28. Беньямин В. Девять работ. М., Панглосс, 2019, 223 с. [Benjamin W. Deviat rabot [Nine works]. Moscow, Pangloss, 2019, 223 p.

Andrey A.Schelchikov (sch2000@mail.ru)

Doctor in History Studies, investigator of Institute for World History of the RAS

Leninsky pr., 32a, 119334 Moscow, Russian Federation

History of the left: the creation of the Bolivian Communist Party. The «late child» of the Communist Movement

Abstract. In the XX-th century, the most important place belongs to the history of the international communist movement. Many regional and national pages of this history have not yet been written. And the story of the Communist Party of Bolivia remains unexplored by historians. This party was created later than all other communist parties in the region, only in 1950. This article for the first time not only in domestic but also in Bolivian historiography addresses the plot of the creation and first decades of the activity of the Communist Party, relying on the analysis of party documents, the press, archival documentation. The article analyzes the internal and external factors of the activities of the Bolivian Communists, the causes of numerous party crises and splits in which the party had to face. In all these crises, the party's life took place in the struggle of opposing currents, between reformists and revolutionaries, and relied more on external, international factors and ideas than on internal political experience and critical analysis of national reality. The exposition touches on several such crises, from the struggle against reformism and Stalinism to the split into pro-Soviet and pro-Chinese parties.

Key words: communism, Bolivia, stalinism, maoism, Mario Monje, Cuban Revolution.

DOI: 10.31857/S0044748X0024995-3

Received 01.01.2023.